

Лариса
Рубальская

Лариса Рубальская

Новое. Любимое

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р82

Оформление *Натальи Ярусовой*

Рубальская, Лариса Алексеевна.
Р82 Новое. Любимое / Лариса Рубальская. —
Москва : Эксмо, 2026. — 640 с. : ил. — (Поэзия
подарочная).

ISBN 978-5-699-83520-1

К юбилею Ларисы Рубальской новая книга, в которую включены и давно полюбившиеся стихотворения, и более поздние и современные стихотворения. Эта книга уберезит от безнадежности, подарит надежду всем, даже отчаявшимся. И безусловно, это книга о любви! Ведь уникальность поэтической манеры Ларисы Рубальской в том, что каждая ее песня — история любви, о которой еще не все сказано.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Рубальская Л. А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-699-83520-1

Предисловие

Я завидую тем авторам, которые пишут книгу за книгой. У меня так не получается. Ведь стихи — это особенное состояние души. Оно зависит от многого. Например, я очень часто езжу с концертами. А в других городах мне не пишется. Только в Москве. Ни за границей, ни на даче, ни на природе, каким бы не был красивым окружающий пейзаж, как ни старайся, ничего в голову не приходит. А вот в Москве — пожалуйста! Что это за загадка такая? Сажу дома, за окном шум — дети кричат во дворе, машины ездят, за стенкой у соседки телевизор на всю мощь. А мне хорошо, и ничего не мешает, только успевай, записывай.

А вот недавно я решила прочитать все, что написала. Честно говоря, бывали моменты, когда я, читая, забывала, что это написано мной самой.

И кое-что мне определенно понравилось. Я очень надеюсь, что тот, кому попадет в руки эта книжка, найдет в ней какие-то важные для себя строчки. И может быть, кому-то станет легче на душе, кто-то вспомнит давно забытое, погрузит и порадуетя вместе со мной. Я-то, конечно, желаю, чтоб побольше радовались, если это получится. Вернее, если у меня это получилось. По крайней мере, я старалась.

А потом все сначала

*Ты обещал прийти
Около десяти.
Десять, двенадцать, час,
Так и не дождалась.
Я не спала всю ночь.
Я сочиняла речь –
Все, уходи ты прочь,
Больше не будет встреч.*

*А потом все сначала –
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.
А потом все сначала –
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И ревела, ревела...*

*Снег так похож на дождь,
С правдой похожа ложь,
Занят, долги, дела,
Сердце тоска свела.
Город ночной – мой враг,
Как же ты можешь так,
Ты же не изменял,
Ты предавал меня.*

*А потом все сначала –
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.
А потом все сначала –
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И ревела, ревела...*

Я так давно существую публично...

Я так давно существую публично, что всем кажется: «Она такая безоблачная! Такая счастливая!» Ко мне часто подходят зрительницы и спрашивают: «А вы когда-нибудь плачете?» Плачу! Плачу, дорогие женщины! Ничего из того, что есть у каждого человека в жизни — депрессии, страдания, радость, счастье, — не обошло и меня...

Есть истории, о которых мне страшно вспоминать даже наедине с собой, есть истории, от которых мне неловко, а есть истории, которые мне очень хочется рассказать, но мои герои, известные люди, наверняка не помнят даже, как меня звали. Дело в том, что с именем известной поэтессы Ларисы Рубальской я живу последние двадцать лет. А тогда, можно сказать, я стояла в третьем ряду миманса, где-то с краю. Это теперь я перешла поближе к авансцене...

Мои сердечные истории начались очень рано. Я не знала, буду ли когда-нибудь заниматься поэзией, но в школе мои песенки распевали все: «Было мне тогда двенадцать лет всего, я случайно посмотрела на него». Песенка про мою неразделенную школьную любовь пелась с легким модным иностранным акцентом. Одноклассник

Славик был моим героем много лет. А я его, увы, не интересовала. Ну не любят мальчишки девченок, которые в них влюбляются без памяти. Бедному Славику было совсем не до этого, зато во мне бушевали страсти взрослого человека. Все свое время я тратила на то, чтобы придумать, как признаться в любви моему однокласснику. Повод скоро представился. Однажды мы пошли с учительницей в поход. Я потихоньку стащила у мамы китайскую кофту «Дружба», в ней я собиралась признаться в своих чувствах. Я специально подстроила, чтобы меня со Славиком назначили дневалить у костра. Заранее выучила любовный отрывок из «Мцыри», нарядилась в кофту, и мы заступили на вахту. Но отрывок зачитать я так и не успела, потому что сразу же предательски заснула. А проснулась оттого, что мне сильно жгло спину. Гляжу — на мне мамина выходная кофта полыхает! Пока я каталась на спине, чтобы потушить пламя, мой герой сидел в кустах с мальчишками и от души смеялся. Оказывается, когда я заснула, он тихонько подвинул меня ближе к костру. Но его коварный поступок не загасил огонь любви, и я стала придумывать, как же все-таки мне ему признаться. Прошло время. Мы учимся в восьмом, я продолжаю вздыхать по Славику.

Я стерегла его у школы и ходила за ним повсюду, позвякивая двухкопеечными монетами для телефона-автомата. Звонила ему без конца, меняя голос, а он швырял трубку. Я его совсем измучила — он меня просто возненавидел! Но я не потеряла надежды. Для новогоднего школьного вечера я придумала аттракцион: обладатели одинаковых половинок разрезанной открытки танцуют вместе (как вы понимаете, надежды, что он меня

пригласит, не было никакой!). У меня со Славиком, естественно, оказалась открытка с ландышем, и мы закужились в танце.

А в то время на экранах кинотеатров шел популярный фильм «Мистер Питкин в тылу врага». Там была очень смешная сцена со взрывающимися сигаретами. И мой любимый, разгадав секрет бомбы — смесь красного фосфора с бертолетовой солью, — подготовил мне сюрприз. Я в упоении танцую и не замечаю, что Славик потихоньку задвинул меня в угол и... вдруг раздался взрыв! Ужас был в том, что я тайком взяла у мамы колготки. Мало того что я шла по морозу домой с красными от ожога ногами, так еще и в рваных единственных маминых колготках... Но и на этом я не остановилась! Мы заканчивали школу. Славик уже так со мной не шутил, вроде бы перестал увиливать от встреч и даже однажды согласился покататься вместе на лодке на ВДНХ. На свидание я собиралась, как на свадьбу: крахмалила нижние юбки так, что они у меня стояли, словно пачка у балерины! Мой кавалер забил веслами по воде, и только я приготовилась наконец прочитать «Мцыри», как оказалась под сильными струями фонтана, куда он специально направил лодку. Он от души смеялся, глядя, как моя прическа съехала набок, а крахмальные юбки обвисли. Тут моя любовь и закончилась!

Но я по-прежнему мечтала кому-нибудь когда-нибудь прочитать отрывок из «Мцыри», мечтала о большой любви и чтобы мой избранник умел складывать слова в прозу или стихи — не важно. Мне всегда мерещилось, что я выйду замуж за поэта или писателя, желательно известного! Но

пути в этот недостижимый мир у меня не было. А еще преследовал страх, что даже если встречу Его и у нас вспыхнет любовь, он... забудет спросить, как меня зовут! Я так долго об этом думала, что как только герой, о котором я столько мечтала, ненадолго возник в моей жизни, первое, о чем я ему сказала, было: «Не забудьте, меня зовут Лариса Рубальская!» Но это в моей жизни случилось позже, а пока я искала себе жениха.

После школы я училась заочно в педагогическом институте и работала машинисткой в Литературном институте. Мой оклад был сорок два рубля. Я долго думала: много это или мало? Пока меня кто-то не успокоил: «Ты что, старуха, это классно! Директор Ваганьковского кладбища столько не получает!» Я поняла, что поймала удачу за бороду. Так как в Литературном институте можно было встретить известного писателя! Да, можно было. Но мне он не успел встретиться. Проработала я там... целых двадцать два дня. Двенадцать из них провела на овощной базе. Там я успела проявить свой недюжинный ум, придумав новый способ разгрузки арбузов. Это очень ускорило процесс разгрузки, и мне написали на первой странице трудовой книжки благодарность за рацпредложение. Правда, я больше интересовалась окружающими писателями, а не скучными приказами, которые приходилось печатать. У меня ведь была светлая мечта, поэтому я пожирала глазами каждого нового посетителя. Но пожилая машинистка, сидевшая за соседним столом, о моей мечте не знала и однажды громко обозвала меня бранным словом. Меня, совершенно безгрешного ангела, это страшно оскорбило. Я схватила стоявший на окне приемник «Рекорд» и долбану-

ла машинистку по голове. Ей повезло: приемник был старый и у него не было внутренностей, а иначе за свой поступок пришлось бы дорого ответить. На следующий день я на работу не вышла и отправилась искать мечту в редакции журнала «Смена». Там я продержалась много лет и, работая тоже машинисткой, ходила как сомнамбула, потому что любой, кто появлялся в нашем предбаннике, был «небожителем»! Я печатала известным писателям и поэтам командировочные удостоверения и с каждым из них представляла себя в фате. Но никто на меня, скромную машинистку, особенно не обращал внимания. И по воле судьбы не «небожитель» зацепил крылом мою жизнь, а телефонист, который пришел в редакцию починить телефон. Телефонист был моим опасным заблуждением, на которое я потратила несколько лет жизни... Он, как и писатели, умел «складывать слова» очень бойко, но... только матерные! А знаки препинания расставлял при помощи своих кулаков. Он так ловко выбивал из меня мои «улеты», что я только успевала уворачиваться. А пошла я на это дело из страха... остаться в старых девах, хотя мне было всего девятнадцать. Мои школьные подружки одна за другой повыскакивали замуж, кое-кто уже родил ребенка, а я все в поиске. В это время я попадаю в больницу. Мне сделали операцию на почке, располозовав мою талию. Однажды я услышала разговор двух теток, соседок по палате. «Бедная девка, — сказала одна. — Ну кто теперь ее замуж возьмет?» «Да-а, — подхватила другая. — С таким-то безобразным швом!» И в моей голове зародился страх: «Действительно! Ну какой теперь писатель такую уродину полюбит? Как только выйду

из больницы, выскочу замуж за первого встречного!» А первый встречный тут как тут — сидит с авоськой витаминов и готов хоть завтра жениться. Вот я и пошла за телефониста. Как меня, умную и возвышенную барышню, угораздило так «вляпаться», не понимаю! Словом, сработал вечный принцип — любовь зла, полюбишь и козла. Мое замужество можно было определить словами одной известной песенки: «Повстречались как-то раз эскимос и папуас». Милый и наивный эскимос — это я, а кровожадный людоед-папуас — это он! На редкость неподходящая парочка, и тем не менее мы прожили вместе четыре года. Мне даже имя его не хочется вспоминать, и если я его когда-нибудь встречу, не узнаю. Меня ведь растили хорошей девочкой, а я связалась с нехорошим. Но я тщательно скрывала от родителей все трудности и хитро пресекала все попытки родителей прийти к нам в гости, иначе они меня сразу же забрали бы.

Я была девушка возвышенная и романтическая, а моя жизнь с папуасом оказалась страшной прозой. Он не только любил выпивать, но и устройства был подонистого. Мне приходилось очень трудно: я училась, денег постоянно не было, и голод костлявой рукой уже схватил меня за горло... Не знаю, как я выжила бы, не появись у меня в нашей коммуналке дружок. Рыжему соседскому коту в семье доставалось лучшее. Хотя его домочадцам приходилось туго, но они залезали в долг и кота кормили как на убой. Это меня и спасло! Коту томили на сковородке хамсу в ароматном подсолнечном масле, и она походила на шпроты. Возвращаюсь я однажды поздно вечером из института. Все спят, а кот сидит у миски и с аппети-

том улетает рыбу. Я его подвинула ногой, попробовала кошачьи деликатесы и с удовольствием все съела! С тех пор мы с ним стали делить трапезу. Я поправляюсь как на дрожжах, а кот, наоборот, тает на глазах. Перепуганная соседка понесла бедолагу к ветеринару. Тот его осмотрел, послушал и прописал витамины и уколы. Кот витамины ел, но все худел и худел. Тогда соседи срочно устроили собрание на общей кухне. На том собрании была и я, но признаться, что объедаю кота, не смогла. А остановиться не могу — выживать-то надо! Кота спасло только то, что я ушла из той дурацкой жизни.

А случилось это так. Папуас стал поздно возвращаться домой. Однажды его друг проговорился, что пьет он не у ребят, как я думала, а у особы женского пола. Меня это очень оскорбило, и я ушла к родителям. Он умолял вернуться, порезал себе вены и лежал в «Склифе», но я, если переворачиваю страницу своей жизни, никогда не перелистываю склеенные временем страницы...

Но если в истории с попыткой устроить личную жизнь точка была поставлена, история с котом имела продолжение. Однажды звонит мне соседка — она работала комендантом в женском общежитии: «Помнишь, как моего кота объедала? Пора отдавать долги». Кота, правда, уже давно на свете не было, но долг платежом красен. «Ты понимаешь, — говорит она. — Девки-то мои все лимитчицы. Денег нет, в любовь не верят, плачут по ночам, и одна даже грозит повеситься. Помоги! Твой портрет, Лариса, у них на стенке висит. Поговори по душам...»

Я пришла. Рассказала девчонкам о коварном Славике, о писателе, который оказался женати-

ком, о спасителе-коте и о том, как безуспешно искала жениха. Девчонки взбодрились и даже подарили с любовью вытканый своими руками коврик. Он у меня до сих пор на даче висит. Кстати, никто из них не повесился. Так я отдала свой долг за кота!

Когда я выпуталась из оков замужней жизни, вернулась к прежней мечте — полюбить писателя! Но как его найти? Я все время старалась вырваться из своего круга, тянулась к высокому. Ходила на выставки, концерты, запоем читала произведения одного писателя, который тогда мне казался эпицентром мироздания. И однажды мне снится странный сон. Иду я по Коктебелю, а навстречу Он! И стал этот сон повторяться. Тут приближаются майские праздники. Мы с подружками скопили денег и решили рвануть на юг, в Коктебель, женихов искать! Все мы (а нам исполнилось по двадцать шесть лет!) уже успели побывать замужем и решились на вторую попытку. В Коктебеле пошли в ресторан. И — о чудо! — в страшно задымленном переполненном зале я вижу своего «небожителя». За его столиком сидел подвыпивший критик. Он встал, покачиваясь подошел к нам, трем молодым красавицам, и произнес: «Умоляю! Составьте нам компанию!» Так я оказалась рядом со своим кумиром. Но его внимание привлекла моя подружка, пышнотелая блондинка, которая постоянно уводила у меня кавалеров. Писатель повернулся ко мне спиной, обнял подружку за плечи и зашептал ей на ухо: «Я мечтал о вас всю жизнь!» Та кокетливо засмеялась: «Да? Ну тогда можете мне бутерброд икоркой намазать...», и он бросился выполнять ее желание. А я, замарашка, сидела рядом и смо-

трела на его широкую спину. Потом постучала по ней пальчиком и тихо сказала: «А я мечтала о вас...» К моему удивлению, он это услышал, тут же повернулся ко мне и... забыл о подруге! И весь вечер проговорил только со мной. Я была на седьмом небе! Улучив момент, попросила у девчонок ключ от нашей комнаты. Тихонько положила ключ под его тарелку в надежде, что он найдет его и пойдет за мной. Но в этот момент официантка унесла тарелки со стола и... все увидели на скатерти ключ. От позора я стала алой, как роза!

И тем не менее ключ нам все же пригодился! Наша история продолжалась и в Москве несколько месяцев. Но поскольку ничего серьезного у нас получиться не могло (он был женат), я очень страдала. Как-то моя умная подруга посоветовала: «Ты отравишься этой любовью, он сделает тебя несчастной. Брось его!» И вы можете себе представить, я его бросила! Перестала подходить к телефону, плакала в подушку, страдала, но все-таки победила эту любовь! Рано или поздно он все равно исчез бы из моей жизни, потому что таких, как я, у него были тысячи! Это ему я потом сказала: «Запомните, меня зовут Лариса Рубальская».

Но в тот день, когда мы с ключом вошли в комнату, мне было не до этой фразы. Но наступило утро, и мои подруги вот-вот должны были вернуться, и вот тут-то я выпалила: «Не забудьте. Я Лариса Рубальская». Помню, он очень удивился: «Хорошо-хорошо! Я запомнил». Прошло около сорока лет с тех пор. Иногда я его вижу. Как ни странно, он не связывает меня с той восторженной девчушкой, которая очертя

голову кинулась в этот роман... Но сон-то, где мы с ним гуляем по Коктебелю, сбылся. У меня часто бывали пророческие сны. Когда я засыпаю, то даже побаиваюсь или, наоборот, обнадеживаю себя: что мне сегодня приснится? В снах обязательно приходят ко мне какие-то знаки. Расскажу одну историю. Я очень любила отца, мы с ним были удивительно похожи. В то лето отцу исполнилось пятьдесят девять лет. У него пошаливало сердце, но родители решили поехать отдохнуть на юг, а мы с мужем — в Прибалтику. В один солнечный день мы с друзьями отправились за грибами в лес. И вдруг какой-то необъяснимый запах ударил мне в лицо, и меня с невероятной силой швырнуло на землю. Ко мне подбежали: «Что с тобой? У тебя что-нибудь болит?» — «Не знаю. Что-то произошло...» Было двадцать минут первого. Мы пошли обратно к палаткам, пора было готовить обед. Гляжу — навстречу идет лесник. У него, единственного на всю округу, был телефон. Все удивились, а я сразу же все поняла: «Он хочет сказать, что у меня умер отец». Как оказалось, отец умер на пляже в Одессе именно в двадцать минут первого, именно тогда, когда меня какая-то страшная сила бросила на землю...

Не думаю, что я экстрасенс, хотя ко мне прилипают всякие металлические предметы, и не ясновидящая, я — ясночувствующая... Только дотрагиваюсь головой до подушки — и уже ясно вижу, каким будет следующий день.

А как-то мне приснился сон, что в меня влюблен Билл Клинтон! Мы с ним танцуем, и он так горячо дышит мне в ухо, что у меня даже челка раздувается. Я спрашиваю: «А вы скандала не бо-

итесь?», а он: «Боюсь, но остановиться не могу!» Тогда все газеты писали о скандальной истории американского президента с Моникой Левински. Он как раз в моем вкусе — я светленьких люблю, а Моника, как и я, не худенькая. Я даже стихи написала: «Я смеялась, глаза закрывала, Билл мне в ухо шептал — ай лав ю...»

Рассказываю я на одной передаче придуманную байку, что, мол, когда Билл Клинтон давал интервью на «Эхо Москвы», увидел среди многочисленных фотографий мою и остановился. «Кто эта женщина?» — спрашивает, не скрывая интереса. Сотрудники редакции отвечают: «Лариса Рубальская, она стихи пишет». А Билл и говорит: «У меня такое чувство, будто мы с ней давно знакомы и у нас даже была лав стори». Повернулся и к лифту пошел. Я приготовилась к гомерическому хохоту, но почему-то никто в студии не засмеялся. Представляете, мне поверили!

К сожалению, неудавшийся роман не отбил у меня желания искать суженого среди писателей. После «Смены» я работала корректором в редакции одного толстого журнала, и там со мной тоже произошла интересная история. На одной из вечеринок я заметила, что на меня засматривается один из наших начальников, еще один «небожитель». Когда на следующей вечеринке я читала эпиграммы собственного сочинения (и ему в том числе), его взгляд задержался на мне еще дольше. Потом он подошел ко мне и сказал: «Я буду ждать вас завтра на платформе в Переделкине с девяти утра и до тех пор, пока вы не придете...» У меня земля поплыла из-под ног! Я сразу же бросилась в парикмахерскую и перекрасилась в блондинку. Почему? Я хотела быть достойной

этого предложения! Моя умная подруга опять принялась меня отговаривать: «Ларис, не ходи к нему на свидание... Понимаешь, ты – садовница, а он – король. Ты нужна ему для мимолетных утех. Он тебя бросит, ты будешь страдать...» Но я не послушалась.

И хотя правила требуют, чтобы я опоздала на свидание хотя бы на полчаса, я была на платформе без пяти девять, примчавшись раньше его. Он тоже, как и предыдущий «небожитель», оказался семейным человеком. Но я никогда не была разрушительницей. Просто «зацепила» немножко своего счастья, и у нас была долгая история... Станный получился стереотип: меня не покидало ощущение, что я должна выйти из этой истории первой. Хотя мне совершенно этого не хотелось. А время-то шло! Двадцать шесть лет, двадцать семь... Замуж-то все равно пора!

А была у меня замечательная подруга, которая стала заниматься подбором «кадров». И однажды «кадра» привели. Он был режиссер-документалист. Ну конечно, не поэт и не писатель, но человек творческий. И я его полюбила. Он человек свободный, разведенный, и все шло к тому, что мы поженимся. Но через некоторое время оказалось, что развестись-то он развелся, но бывшую жену не разлюбил. Мало того, она в отсутствие второго мужа позволяла моему документалисту ее посещать. Для меня это известие было страшным ударом. Я устраивала истерики своему возлюбленному, он вяло отпирался. Однажды я узнала от подруги, что та женщина придет в гости к моему любимому. И я решила устроить разборку! Наде-ла парик, положила в сумку нож и отправилась уничтожать свою соперницу. Звоню в дверь –

мне не открывают. Стучу кулаком — ни звука! Тогда я достала нож, расковыряла замок, выбила дверь и влетела в квартиру. Странно, но он сидел один. «Ты идиотка! — покрутил он пальцем у виска, а потом добавил: — Чтобы я тебя больше не видел!» С тех пор он не подпускал меня к своей личности ни на шаг, зато у меня теперь есть о чем рассказывать!

А почему так получилось? Дело не в темпераменте, а... в той книжке, которую я на момент тех или иных событий читала. Я — жертва литературы. Из книжек учусь и хорошему и плохому. Я могла быть и Эммой Бовари, и Дженни Герхардт... Легко проживала высокие эмоции литературных героинь. В данном случае во мне явно проснулась Кармен! Одним словом, потеряла я кинематографиста навсегда!

В моей жизни большую роль играли советчицы-подруги... Но есть такое свойство у некоторых женщин: когда плохо, они тебе сострадают и всячески помогают, а когда тебе чуть лучше, чем им, тут начинается что-то скрести внутри. Мне попадались коварные подруги. Бывало, и кавалеров уводили. Моя лучшая школьная подруга всех моих кавалеров до одного отбивала. Я обижалась: «Ну ты же не хочешь с ним целоваться!», а она опять за свое. Но мы с ней до сих пор дружим... А потом... мои герои чаще всего сами меня бросали.

Помню, стою с одним человеком у «Детского мира» (боже, как он мне нравился, не «Детский мир», а тот человек — холостой, бравый, при погонах!) и говорю ему: «Ты моя настурция на закате августа, когда отцвели все цветы...» Военный посмотрел на меня подозрительно и сказал, как в